

ГЛОБАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Л. Л. Ильюшина

Любая попытка представить историческую реальность из одной определенной духовной и теоретической перспективы неминуемо означает превращение исследования в критику чуждой исследователю культуры. Она предстает расколотой и противоречивой, лишенной подлинной целостности. Это равно справедливо по отношению к индуистскому, исламскому, китайскому или славянофильскому образу Европы или же для западнического образа Африки, Латинской Америки или Японии – любой страны, духовная культура не оказала существенного влияния на формирование собственных ценностей исследователя. Логики эпох меняются в зависимости от господствующих тенденций и смены перспективы наблюдения.

Глобальная история формируется на перекрестье взаимоотражений культур, в силовом поле их взаимовлияний, в форме релятивизации любого культурного и исторического опыта.

Важными представляются положения о том, что в глобальном знании не может быть объекта без субъекта познания и что целостность мира, человечества предполагает в своей основе взаимозависимость образов и сущностей этой целостности. В той мере, в которой эта позиция реализуется, концепция «сверхцивилизации» отходит от детерминистского канона эпистемологического выбора (в пользу мировых законов) и делает шаг в направлении к постнеклассическому – конструктивистскому канону.

Последний ставит познание и его объект (предметную область) в зависимость от разных моделей или образов мира, в рамках которых истинно каждое доказанное утверждение об объекте. Но у такой позиции существует ряд положений, которые ставят под сомнение эпистемологическую ценность этой концепции: ее явный финитизм, проистекающий из того положения, что «сверхцивилизация» претендует на больший рационализм и универсальность по сравнению с другими моделями, а также из того, что принципом этой системы отсчета становится наличие конечного числа исходных утверждений о свойствах объекта. Реально это означает, что о мире и человечестве нельзя сказать больше того, что принято за основу характеристики их единства (общность, система).

Фундаментом региональной онтологии концепции единой цивилизации является положение о том, что мир и человечество существуют как самовоспроизводимое целое (общность, система) с ярко выраженной фи-

нитной установкой на бытие в качестве саморазвивающейся, самодействующей и самосознающей общности. Вне этих принципов нет самой «сверхцивилизации» как целостного – хотя бы в проекте – массива знаний.

Между тем в постнеклассической науке (если понимать ее как когерентную структуру знания) центральное место занимает не системно организованный объект и даже не субъект познания, а «наблюдатель», интерпретатор – в качестве самостоятельной, сложно организованной системы. Для наблюдателя (как системы) характерны не только деятельность и самосознание (что достаточно для субъекта), но и способность к самореференции, работе с самоописаниями как независимыми сущностями. Принцип самореферентности означает, с одной стороны, относительность наших самоописаний, их недостаточность и открытость с точки зрения идеала универсального истинного знания, а с другой – особый тип взаимодействия с окружающим миром и даже человечеством – в логике глобального подхода. Наблюдатель действует по принципу самодостраивания мира, среды как живых систем.

Культура в рамках этой концепции представлена не как система, а как контрагент во взаимодействии со средой, человеческой агрессией, модернизацией. Это совокупность инструментов, которые попадают человеку в руки в процессе его деятельности. Культура – это скорее сфера бифуркаций, чем тенденций, и в еще меньшей степени – сфера образцов и целей. Ее язык осознается в первую очередь как инструмент описания исторической ситуации современником или историком. Он принципиально политологичен, подразумевает создание множества образцов, которые размещаются в сетевом пространстве, созданном взаимодействием действующих сил в обществе. Соотношение рационального и иррационального в данном случае не является сущностной характеристикой культуры.

На смену линейной и многолинейной концепции всеобщей истории, ризомным моделям постмодернизма концепция единой цивилизации предлагает теорию сети или поля трансграничных взаимовлияний, своего рода наднациональных «волновых процессов», которые и создают глобальность, т.е. предполагается учить разнообразия вещно-энергетических, ролевых, знаково-символических агентов исторических изменений, и главное, взаимность любых воздействий, представление о мироцелостности как поле коэволюции исторических сил. Характерная черта этих сил – они или последствия их воздействия статистически измеряемы. В их исследование вводятся естественнонаучные понятия, методы анализа и логика.

Мировые цивилизации встроены в эту систему как особые, независимые от человека культурно-исторические силы, естественные социокультурные сообщества людей.

Глобальная история формируется в настоящее время по нескольким направлениям и все более противопоставляется всеобщей истории – как европоцентричной, линейной, детерминистской по своему происхождению – свою модель полицентрического мира, развивающегося через экологические, культурные, политические кризисы с принципиально непредсказуемым исходом.

Глобальная история появилась в условиях кризиса и последующего краха структурализма, в среде, где были разрушены представления о сущности исторических явлений, о единстве исторического процесса, об определяющей роли в истории общественных противоречий, о позитивной социализирующей роли господствующей культуры. Она складывалась в условиях доминирования культурно-исторического подхода к истории и исторического релятивизма, поставившего под сомнение возможность применения в процессе исторического анализа сквозных философских понятий.

Это позволило глобальной истории сохранить пафос самоопределения, независимости от теоретических наук, характерный для современной историографии. Хотя она не свободна от философско-исторических и историко-социологических схем, их функция в ее содержании значительно отличается от ситуации во всеобщей истории. Ведь глобальная история формировалась в период упадка реалистического, платоновского знания о сущностях и законах. Поэтому номотетические науки представлены в ней своими отдельными элементами, а значение их центральных понятий сильно ограничено.

В результате образовалась чисто номиналистическая и прагматически ориентированная теория, избегающая общих суждений. В ней нет места для представлений о сущности или разумности исторического процесса и любых иерархических моделей структуры человеческих обществ. В этих условиях интегратором образа истории является только личностное знание исследователя, подчас откровенно субъективное.

Большой ошибкой было бы сводить глобализацию видения истории к воспеванию западных идеалов, хотя эта тенденция тоже имеет место. Глобальная история описывает сеть отношений, в рамках которых воздействие периферии на центр не менее важно, чем воздействие центра на периферию, где идеалом выступает не единая централизованная система, а полицентричность. Интеграция в рамках процесса глобализации ничем не лучше диверсификации, что легализует любые сценарии развития (и

застоя). Превращение Океании в рекреационную зону глобального масштаба в этом контексте не лучше и не хуже ее индустриализации.

Область проявления всеобщего в мировой истории обозначена как область глобальных, межрегиональных и межконтинентальных естественноисторических процессов, связанных главным образом с независимыми от сознания людей биологическими, экономическими и геополитическими предпосылками человеческой деятельности.

Единственное условие, которое предъявляет глобальная история, — это сохранение равновесия между микроисторическим вниманием к конкретным особенностям культуры и макроисторическим масштабом нарратива. Если мы утратим первое, то отступим в область традиционной всеобщей истории и философии истории, а если утратим второе — воспроизведем комплексный, но сугубо локальный подход микроистории.

АКТУАЛЬНОСТЬ КОНФЛИКТНОЙ ТЕОРИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

А. О. Колесников

Что есть мир и мировое сообщество сегодня? Какие отношения доминируют в современном обществе? Куда «катится» цивилизация? Мне кажется, что эти вопросы задает себе время от времени каждый человек, в особенности тот, кто изучает общество и общественные науки. И я, будущий социолог, конечно же, не исключение. Мысли о моем будущем, будущем моей страны и всего мира в целом волнуют меня все больше. В чем же дело? Изучая различные социологические теории, я прихожу к ужасающей мысли: если дела пойдут таким же образом далее, мир изживет сам себя, нарушив все теоретические нормы и принципы, перешагнув ценности... Все конфликтные теории утверждают, что конфликт — это нормальное состояние общества. Также утверждается, что конфликты несут как позитив, так и негатив, что при определенных условиях конфликт может послужить развитию общества. Но ни одна из конфликтных теорий не может не упомянуть, что возможным результатом любой конфликтной ситуации может стать тотальное разрушение системы, а основная цель одной из противоборствующих сторон — нейтрализация, устранение или нанесение ущерба противнику. Современная политическая обстановка в мире показывает, что мировое сообщество — это сложнейшая сеть конфликтов, выхода из большинства которых просто нет, либо они являются очень призрачными. И, конечно же, определение конфликта, данное Л. Козером, еще в середине прошлого века приобрело особенное значение сегодня: конфликт — «это борьба за ценности или